

Мурзилка
№ 9
ОГИЗ МОЛОДАЯ
ГВАРДИЯ 1933

МУРЗИЛКА

ЖУРНАЛ ДЛЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

ОГИЗ—МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ. ГОД ИЗДАНИЯ ОДИННАДЦАТЫЙ

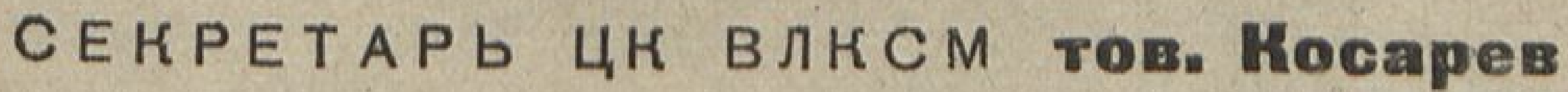
СЕНТЯБРЬ 1933 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Обложка В. ВАСИЛЬЕВА

ЛЕНИНСКОМУ КОМСОМОЛУ ПРИВЕТ!

СЕКРЕТАРЬ ЦК ВЛКСМ **тов. Косарев**

Худ. А. Самохвалов. **ВОЕНИЗИРОВАННЫЙ КОМСОМОЛ.** „ВЫСТАВКА 15 ЛЕТ РККА“ В МОСКВЕ.

ПОДАРОК

Три ночи заботливый дождь стучал в мое окно.

— Кап-кап... Не спишь? Думаешь? Готовишь подарок?

На четвертое утро рано меня разбудило солнце:

— Вставай. Пойдем на праздник.

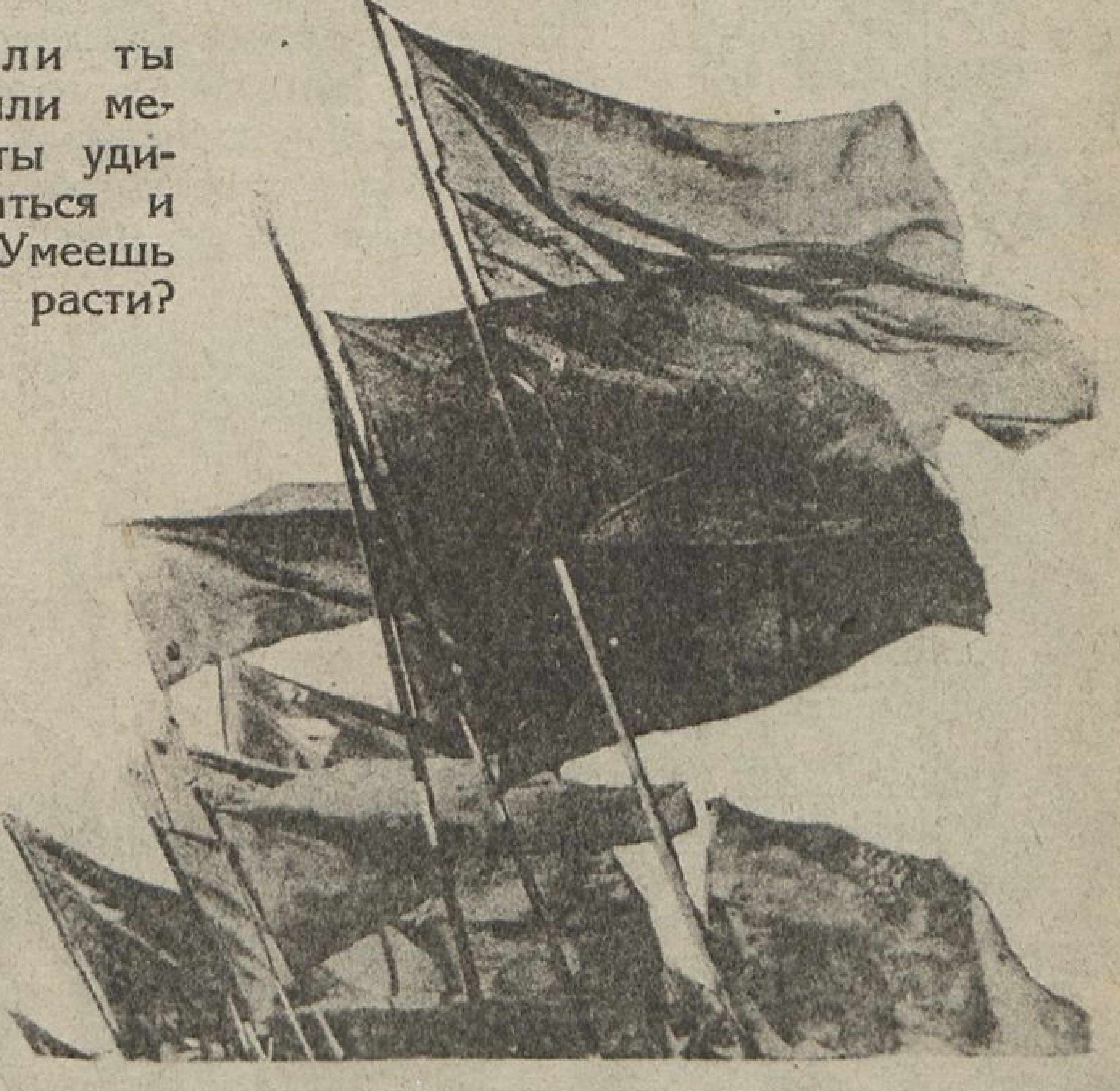
Ах, какой это был веселый праздник! В свежих юнгштурмовках были все деревья, колоннами стояли дома, и в каждой двери держали по флагу, а трамвайные столбы на перекрестках надели круглые рупора и распевали на все улицы.

У входа на праздник стоял патруль.

— Умеешь ли ты смеяться? — спросили меня. — Умеешь ли ты удивляться и радоваться и крепко хотеть? Умеешь ли ты все время расти? Умеешь ли ты оглядываться не останавливаясь, мечтать не задерживаясь, раздумывать не отступая?

Я умела все это, и меня пропустили, никто не подумал считать, сколько мне лет.

На празднике были миллионы молодых —

одни чуть моложе меня, другие совсем ребята, а всем вместе им исполнилось пятнадцать лет, и сегодня был их день рождения.

Потому что это был Ленинский комсомол, и в этот день праздновали его пятнадцатилетие.

Они стояли на параде и принимали подарки.

Таких удивительных подарков не получал еще ни один человек.

Им подарили самое надежное, самое боевое, самое прекрасное знамя — чтоб никогда, ни за что не выпускали его из рук.

Им подарили новый, блестящий, только что сделанный советский трактор — чтоб хорошо вспахали старую, залежавшуюся землю. И построенный специально для них самолет — чтоб учились летать, как птицы: высоко, далеко и быстро.

И новый трамвай, и паровоз, и яхту — чтоб умели управлять электричеством, паром и ветром.

И самую высокую в мире радиостанцию — чтобы перекликались с товарищами и знали, где случилась беда.

И много новых просторных и чистых домов, с садами, с цветами — чтоб росли здоровыми, и свежие газеты — чтоб знали обо всем на свете, и тысячи книг — чтоб учились и стали умнее всех, кто жил на земле до них.

И свой молодой, веселый театр — чтоб было интересно и радостно жить.

И меткую винтовку, и крепкий противогаз, и вездеходные танки — чтобы могли защищать всю свою новую жизнь от всяких врагов.

Вот что им подарили, и много еще разных, прекрасных и нужных вещей прислали на праздник заводы и шахты, леса и поля, и горы, и города.

Даже совсем маленькие ребята, которые еще ничего не умеют делать, подарили им свое „торжественное обещание“.

И после каждого подарка играла музыка, они радовались и кричали так громко, что отзывалось эхо со всего света.

Наконец они заметили меня.

— Откуда ты? От кого ты делегаткой: от завода или от шахты, из леса или из города? Ты тоже хочешь нам что-нибудь подарить?

— Да, — сказала я, — я отовсюду: я от завода и от шахты, из леса и из города и сама от себя. Вот мой подарок. — И протянула руку.

Все удивились и замолчали. А какой-то малыш засмеялся и закричал:

— Пусто в руке! Никакого подарка. Она вас обманывает...

Но я не испугалась и не обиделась — ведь я не спала три ночи: думала, готовила подарок.

— Вот вам моя рука. Вы не глядите, что она маленькая и слабая на вид, — она умеет не дрожать, когда нужно, а вместе с другой она неплохо работает, не боится никакой трудной работы. Вот вам моя голова — в ней живут хорошие мысли, разве это вам не пригодится? Вот вам мои ноги — они идут с вами по одной дороге, не собьются и не отстанут. Вот вам мое сердце — оно бьется с вашими в такт, вы слышите?

И правда, так громко стучало мое сердце, что я ничего не слышала — играла ли музыка, крикнул ли кто-нибудь „ура“...

Я не знаю, рады ли были моему подарку, но ведь это лучшее, что я могла подарить.

Потому что я подарила им всю себя — с руками, с ногами, с головой и сердцем, со всеми моими историями — веселыми и грустными, со всеми сказками, которые я умею делать из маленьких черных букв на белой бумаге.

Вот такими, как эта.

В. Смирнова

РАССКАЗЫ ПРО ФАШИСТОВ И ПРО ПИОНЕРОВ

В Италии

1. Хорошее имя

В одной итальянской деревне у крестьянина родился мальчик. Жена спросила:

— Как мы его назовем?

А старшая девочка подпрыгнула и крикнула:

— Можно назвать Чезаре — хорошенькое имечко.

Но крестьянин помолчал, а потом сказал:

— Я назову его Ленин.

Тогда бабушка поставила на стол горшок с макаронами и заворчала:

— Вся деревня хочет называть своих детей Лениным. Я слышала, фашистская власть больше этого не позволит.

Но все-таки мальчика назвали Ленин.

Прошло несколько лет, и случилось много разного.

Фашистский вождь Муссолини издал приказ: всех детей, которых зовут Ленин, переименовать: дать имя Виктор.

Виктор — это значит „победитель".

Бабушка ворочалась на маисовом матраце и бормотала:

— Дома никто посторонний не услышит. Как звали Ленин, так и будем звать. Имя хорошее!

2. Фашистская заповедь

Когда крестьянский мальчик Ленин пришел в школу, то его записали в детский фашистский отряд и велели ему носить черную фашистскую рубашку.

Один раз учитель сказал:

— Сегодня мы будем разучивать фашистские заповеди.

И прочел из учебника:

— „Каждый день благодари бога за то, что он сделал тебя итальянцем и фашистом".

Пришлось мальчику Ленину учить фашистские заповеди.

Но, когда он пришел домой, он сорвал с себя черную рубашку и закричал:

— Пусть, пусть я буду в фашистском отряде, пусть меня называют Виктор, а все-таки я пионер. Бабушка, куда ты спрятала мой красный галстук? А когда я вырасту, я буду коммунистом, и брат мой Джузеппе комсомолец, и сестра моя Тина сидит в фашистской тюрьме.

Тогда самая младшая сестра задышала ему в ухо и сказала шопотом:

— А если пойти в шалаш за огородом, то там можно очень тихо пропеть „Интернационал".

В Германии

3. Фашистская пуля

Марта Кюнстлер была безработная швея. Она жила в германском городе Берлине, в облупленном доме на рабочей окраине. За то, что в доме не было ни одного балкона, рабочие прозвали его „Голый воробей".

Один раз вечером Марта Кюнстлер пошла навестить свою мать.

Когда она вернулась, на улице было тихо и поздно. У ворот стояли соседи-рабочие. Марта остановилась. Поздоровались.

В это время из-за угла выехал человек на велосипеде и крикнул:

— Да здравствует Гитлер!

Но никто ему не ответил, потому что Гитлер — вождь фашистов.

Тогда на велосипеде вдруг блеснул огонек.

Велосипедист укатил в темноту, а Марта упала, потому что огонек был выстрел и фашистская пуля попала ей в сердце.

Соседи побежали за машиной.

В первый раз в жизни Марта Кюнстлер поехала на автомобиле.

Но когда машина подъехала к больнице, больничный привратник рванул дверцу и закричал:

— А кто заплатит за такси? Она уже умерла.

У мертвой Марты на локте висела сумочка. Шоферу заплатили из сумки.

И никто не задержал, и не судили фашистского убийцу, потому что фашистская власть не хотела его судить.

4. Урок

В одной берлинской школе учитель сказал за уроком:

— У кого родители безработные, поднимите руки.

Тогда все дети подняли руки.

Только одна маленькая девочка встала и спросила:

— А если мой отец раньше был безработный, а теперь он сидит в тюрьме за то, что он коммунист, — так мне поднять руку?

Учитель рассердился, потому что в Германии — фашистская власть и говорить про коммунистов опасно.

Он нахмурился и буркнул:

— А где твой отец работал перед тем, как он стал безработным?

Девочка пробормотала:

— На пивоваренном заводе Боцова.

В это время учителя вызвали из класса. Он положил на стол листочки и сказал:

— Вот песня „Хорст Вессель". Повторите ее, пока я вернусь.

„Хорст Вессель" — это фашистский гимн.

Но как только учитель вышел, один ученик вздохнул и сказал:

— Всех коммунистов засадили в тюрьмы.

Но другой, веселый, вскочил и закричал:

— Всех, да не всех! Сегодня рабочие у пивовара Боцова подняли над заводом флаг с серпом и молотом. Я сам видел, когда шел в школу. Пожарный никак не мог его снять.

Все засмеялись.

Но другой мальчик дернул веселого за рукав и сказал шопотом:

— Как же я буду петь фашистский гимн? Хоть мне и нельзя больше носить красный галстук, потому что это запрещено, но все-таки я пионер.

Тогда веселый посмотрел на всех и сказал погромче:

— Можно не петь, а только открывать рот.

В это время учитель вошел и хлопнул линейкой по столу. Потом он сказал:

— Теперь мы споем „Хорст Вессель". Каждый немецкий мальчик должен знать эту песню. Встать!

Дети встали.

Учитель поднял линейку и важно запел.

Но дети стояли и с открытыми ртами молчали фашистскую песню.

В Америке

5. Серая перчатка

В Америке трудно быть пионером, но все-таки там много пионеров.

Один раз в Нью-Йорке полицейские хотели арестовать на улице коммуниста.

Здоровый полицейский обхватил его руками и потащил к полицейскому автомобилю.

Но коммунист не давался. Рабочие помогали ему отбиваться.

Тогда два пионера вцепились в руку полицейскому на спине у коммуниста.

Рука была в хорошей серой перчатке.

Полицейский дернулся, перчатка содралась с руки. Коммунист вырвался в толпу, а пионеры убежали с перчаткой.

Когда все кончилось, пионеры послали перчатку в СССР в подарок советским пионерам.

Пусть знают, как в Америке пионеры помогают рабочему делу.

6. Негритянские пионеры

В Америке есть и негритянские пионеры, хотя негром быть в Америке еще труднее, чем пионером.

В некоторых американских городах на трамваях написано: „Для цветных“. А без этой надписи негру нельзя садиться в трамвай.

На некоторых столовых есть вывеска: „Для белых“. Это значит: негру входить в столовую нельзя.

В одном американском пионерском отряде была беседа у костра. На всякий случай беседа была тайная — для того, чтобы другие школьники не разболтали.

Когда все сели, вожатый сказал: — К нам сегодня приехал гость — негритянский пионер. Его зовут Джек. Слово Джеку.

Негритянский пионер встал. Он был красивый и сильный. Он сказал: — Я упаковщик хлопка. Мне четырнадцать лет, но я уже рабочий, потому что хозяину выгодней нанимать детей: детям можно платить дешевле. Мой отец безработный и сидит на пустыре, а я не могу учиться — мне надо работать.

А вот в Советском союзе все дети учатся. Я расскажу вам интересный случай.

В Советском союзе строился тракторный завод. На заводе работали американские мастера.

Один раз в американскую столовую вошел рабочий-негр.

Но, как только негр вошел, американцы вскочили и побили его за то, что он посмел войти в столовую к белым.

Американцев судил товарищеский суд на заводе. Суд постановил: „Уволить. Выслать“.

Джек рассказал, и вдруг самый младший пионер, очкастенький, вскочил и закричал:

— Я не хочу больше быть американцем! Я хочу быть негром!

Потом он вздохнул и сказал:

— Нет, лучше всего быть советским мальчиком.

Тогда Джек удивился и спросил вожатого: — разве он не знает, что у нас тоже будет советская республика?

Анна Гринберг.

СБОР ВИНОГРАДА

На песке следы ребячьи
напечатала нога.
Ой, песок какой горячий,
горячее утюга!

Впереди шагов на двести
закурчавилась земля,
золотятся рыжей шерстью
виноградные поля.

Солнце их лучами греет,
люди их водой поят,
чтобы зрел он поскорее,
наш колхозный виноград.

Мы идем веселым строем,
по песку шаги шуршат,
позади, совсем расстроен,
кое-как бредет ишак.

Он расстроен, потому что
шевелиться даже лень,
потому что очень мучит
неотвязчивый слепень.

Да еще тащи корзины —
тоже ноша не легка! —
виноград тугой и синий
распирает им бока.

Груды гроздей сочных, плотных,
запотевших от жары,
налились, грозятся лопнуть,
как воздушные шары...

Мы пришли к тебе толпою
босоногих октябрят
поздороваться с тобою,
наш колхозный виноград.

Саконская

Про деда, отца, ПРО СЕБЯ САМОГО И ПРО САШКУ

КАК УЧИЛСЯ МОЙ ДЕД

Дед мой Илья Ильич был крепостным крестьянином графа Туриновского. Когда он был мальчиком, он пас на пруду графских гусей и нигде не учился. А деду очень хотелось учиться. И больше всего ему хотелось научиться расписываться так же лихо и с такими же кудрявыми завитушками, как расписывался сельский писарь. А расписывался он вот так:

Однажды летом Илья нашел на дороге старинную трубку с обезьяньей мордой. Трубку увидал у него долговязый сын попа — большой трубокур и повеса. Попович пристал к нему:

— Отдай мне трубку! А я тебе, знаешь, что дам?..

Попович сунул руку в карман с таким видом, как будто у него в кармане лежало сокровище. И вдруг призадумался.

— Да все что угодно отдам!

Илья презрительно свистнул. Он знал, если человек предлагает отдать все что угодно, значит у него нет ничего и в карманах пусто.

— Нет, не надо! — сказал он. — Я сам буду курить, когда вырасту большой.

И сунул трубку в рот. Надул щеки и пыхнул — пуф! — как будто он и в самом деле курил. Попович даже крякнул от зависти.

— Отдай! Отдай! А я... Хочешь, я научу тебя грамоте?

Попович учился в семинарии и грамоту знал хорошо.

— Ой, правда? — обрадовался Илья. — А не обманешь?.. Ладно. Отдам. Только где мы будем учиться? — спросил он шопотом.

— Как бы граф не увидел... Узнает — запорет!

— Не узнает! А учиться мы будем вон там, за амбаром, в бурьяне. Туда, кроме кошек, никто не заходит. Хорошо?

Долговязый попович во всю прыть пустился домой и вскоре вернулся со свертком подмышкой, подмигнул Илье и юркнул в

бурьян, за амбар. Илья осмотрелся — кругом ни души — и тоже юркнул в бурьян вслед за поповичем.

Вот они сели на землю, и не стало их видно. Только жесткий чуб поповича чуть-чуть возвышался над буйным бурьяном.

Попович вынул из свертка книжку, бумагу, пузырек с чернилами, гусиное перо и табак. Он набил трубку, закурил, задымил и раскрыл книжку с жирными буквами.

— Ну, смотри! Это Аз — пуф! Это Буки — пуф! пуф! Это Веди — пуф! пуф! пуф!

Илья учился отлично. Он выучил азбуку и уже начинал читать по складам, как вдруг однажды, когда он бойко выписывал гусиным пером по бумаге „рцы“, „покои“ и „ферты“, на бумагу упала черная тень и кто-то крикнул над ним зловеще, как ворон: „Ага!“ Илья и попович вздрогнули и побледнели от ужаса: перед ними стоял графский приказчик.

— Ага! Вы грамоте учитесь! А я-то думаю, чего это бурьян за амбаром дымится?

И приказчик схватил поповича за чуб, а Илью — за шиворот. Попович вырвался и, с шумом ломая бурьян, дал стрекоча во-свояси. А Илью грозный приказчик потащил к еще более грозному графу. Граф Туриновский в пестром халате сидел в саду на балконе в красном кресле и курил длинную трубку. Приказчик поставил перед графом бледного мальчика и доложил, что он только что застал вот этого пастушонка Илюшку на месте преступления: он учился грамоте.

— Что-о-о? — сказал граф и заерзал по креслу. — Грамоте учился! А ну, скажи, дуралей, зачем тебе грамота? — визгливо закричал граф и ткнул деда трубкой в грудь. — Ты не поп и не барин! Обедню тебе не служить, книжки тебе не читать! Тебе, крепостному холопу, барскую землю пахать да косою махать. А землю чем пашут? Головой иль руками? Ну, отвечай, грамотей!

— Руками... — пролепетал Илья.

— Руками? А зачем тебе грамота? Ну, говори, зачем тебе грамота? — И граф опять больно ткнул Илью трубкой в бок.

— Я больше не буду...

— А а, не будешь! На конюшню его, Северьяныч!

На конюшню сбежалась вся дворня. С Ильи сняли штаны, задрали рубаху и положили животом на скамейку. Приказчик свистнул хворостиной, и на голой спине Ильи вздулся багровый рубец.

После жестокой порки Илья навсегда потерял всякое желание учиться. Когда он вырос, он забыл все, чему его учил когда-то долговязый попович. Он не умел даже расписываться. Вместо росписи он ставил жирный крест.

КАК УЧИЛСЯ МОЙ ОТЕЦ

В селе Туриновке, над речкой, стояла когда-то церковка с деревянной оградой, а рядом с ней — маленький домик. Над дверью домика висела вывеска: „Церковно-приходская школа“.

Однажды осенью в этой школе за черными партами сидело пятнадцать вихрастых ребят. Все они в школу пришли первый раз, сидели тихо и пустыми от страха глазами смотрели на дверь — ждали учителя. Одним из этих ребят был мой отец.

Вскоре за дверью послышался старческий кашель и шарканье грубых сапог. В класс с букварем и со скрипкой подмышкой вошел учитель, кривой дьячок Иван Емельяныч. Это был маленький седой старичок с толстым носом и тощей косичкой, болтавшейся у него за плечами, как кошачий хвост.

Все встали. Иван Емельяныч положил скрипку на стол, прочитал молитву, раскрыл букварь и начал учить.

— Это Аз. Ну, повторяйте за мной — Аз.

— Аз, — как попугаи, хором повторили ребята.

— Это — Буки.

— Буки, — повторили ребята.

— Это...

Вдруг кто-то звонко забарабанил в окно.

— Иван Емельяныч! А Иван Емельяныч!

У раскрытого окна стояла старуха. Подмышкой она держала куренка, а в руке — письмо.

— Ну, что тебе, матушка? — строго спросил Иван Емельяныч.

— Письмо получила от сына. Прочитай, родной.

— Некогда, бабка. Видишь, ребят учу.

— Да успеешь, выучишь. А я тебе за это куренка пожалую.

— Гм... куренка?.. Ну, давай.

Иван Емельяныч сел на табурет у окна, надел очки и уткнулся толстым носом в письмо.

„Ну, сейчас начнет чесать“, подумали ребята и навострили уши. Им тоже хотелось узнать, что пишет бабкин сын — матрос черноморского флота. Наверное, про корабли да про пушки.

Но Иван Емельяныч не начал чесать, а сдвинул брови, зашевелил губами и что-то невнятное забормотал себе под нос.

— Да ты вслух читай, а не мурлычь, как кот, — сказала старуха.

— Сейчас, сейчас, бабка. Дай сперва самому разобраться.

И опять зашевелил губами.

— Ну, слушай. — И начал читать по складам, нараспев. — Любез-ный наш ба-тюшка Ан-дрон Ер-мо-лаич...

— Что-о? — вдруг закричала старуха. — Какой Андрон Ермолаич? Да так ли ты читаешь, Иван Емельяныч?

— А как же не так? Как написано, так и читаю,

— Да не может быть! А ну, почитай-ка получше.

— Андр... Андри... Андри... Андриян Ер-милыч, — выпалил Иван Емельяныч.

— Ну вот, теперь так. А то Андрон Ермолаич! Да ты мне таких небылиц начитаешь! Сам читать не умеешь, а ребят учишь. Дай-ка письмо! Я лучше к попу пойду.

Бабка выдернула письмо из рук Ивана Емельяныча и пошла к попу. А Иван Емельяныч конфузливо почесал переносицу, вынул красный платок из кармана и высморкался.

Ребята зафыркали, прикрывая ладошками рты.

— Цыц, вы, шишиги! — прикрикнул на них Иван Емельяныч и забормотал, засовывая платок обратно в карман: — Я не поп. В семинарии меня не учили...

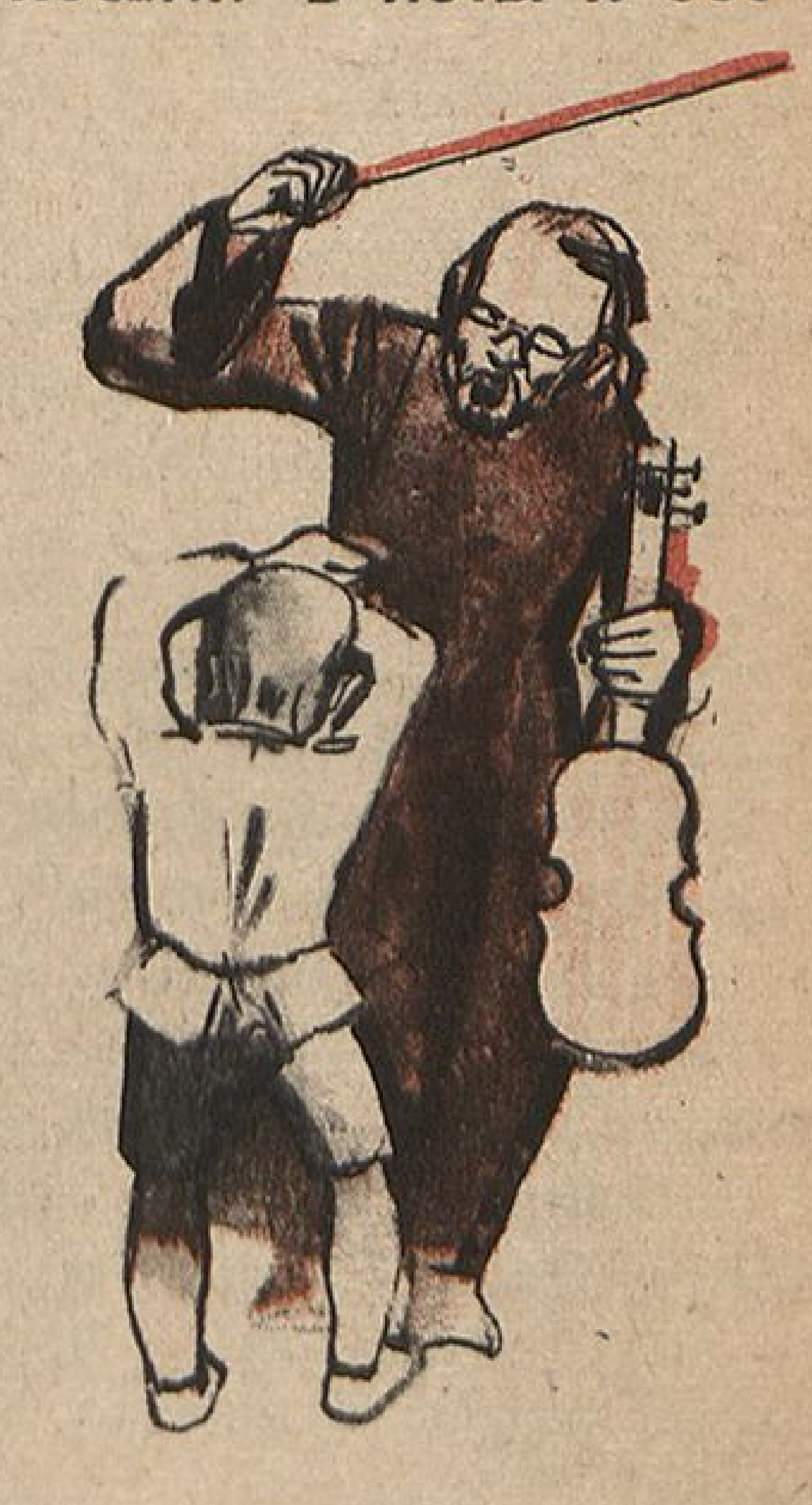
И в самом деле, Иван Емельяныч в семинарии не учился и ничего не знал. Хорошо он знал только молитвы.

Когда ушла бабка, он сердито захлопнул букварь, поставил ребят лицом к почерневшей иконе и роздал им грязные рукописные ноты. Ребята не знали нот и держали их вверх ногами.

— Ну, что я буду петь, то и вы тяните за мной, — сказал Иван Емельяныч. Он прижал бороденкой к плечу визгливую скрипку, замахал смычком над головами ребят и запел резким пронзительным голосом: „Взбранной воеводе победительная...

При этом он так затопал ногой, что тощая косичка за спиной у него начала выплясывать самые смешные финтифлюшки.

Чтоб не рассмеяться, ребята уткнулись носами в ноты и бессмысленно затянули следом за ним: „Взбранной воеводе...“

Кто ошибался и пел не так, того Иван Емельяныч бил смычком по голове, как по барабану. Не бил он только Лабазника, мордастого мальчугана, сына богатого лавочника.

Иван Емельяныч пел и топал ногой все громче и яростней. Косичка плясала. И вот она так расплясалась, что ребята не удержались и фыркнули. Иван Емельяныч взмахнул смычком, хотел ударить отца, да промахнулся и так хватил по затылку Лабазника, что переломил смычок надвое. Ребята захохотали. Лабазник захныкал, а Иван Емельяныч, заметив оплошность, вдруг испугался. Он заморгал кривым глазом и заегозил перед Лабазником. Его тощая косичка заюлила, как хвост провинившейся собаки.

— Молчи, молчи, Ванек! Это я нечаянно. Это... Это все ты, негодяй! — вдруг закричал Иван Емельяныч и отодрал отца за ухо.

Вот как учился мой отец. Когда он окончил церковно-приходскую школу, он знал молитвы не хуже дьячка, а читал и писал очень плохо.

КАК Я УЧИЛСЯ

Однажды вечером отец мой собирался в город на ярмарку, а я сидел за столом и учил уроки. Передо мной лежал раскрытый букварь и тускло горела керосиновая лампа.

— Киска, каска, миска, ласка, доска, тоска... — читал я вслух.

— Что это ты чепуху какую болтаешь? — вдруг сказал отец.— Киска, каска...

— Как чепуху? Это я урок учу, — сказал я и с треском закрыл букварь.

— А-а... — сказал отец. — А выучил?

— Выучил.

— А ну, дай-ка букварь, я проверю. Что вам задано?

Я раскрыл букварь и ткнул пальцем в жирного кота, под которым было написано: „киска". — Вот от сих и до сих.

— Ну, читай.

— Киска, каска, миска, ласка, доска, тоска... — прочитал я наизусть.

— И все?

— Все.

— Ну, молодец! — сказал отец и улыбнулся.— Я тебе за это с ярмарки пистолет привезу.

Я захлопал в ладоши и пустился в пляс, приговаривая:—Киска, каска, миска, ласка...

На другой день рано утром отец уехал на ярмарку, а я пошел в школу.

В это яркое осеннее утро я чувствовал себя самым счастливым человеком в мире. Я смотрел на деревья, раскинувшиеся желтой листвой по синему небу, и думал: „После уроков в лес пойду с пистолетом — охотиться".

Но вот я вошел в школу, в низкую мрачную комнату с портретом царя, с черными партами и черной доской, и счастье ушло. Пришла обычная робость.

— Доска, тоска... — пробормотал я и сел за парту. Пришел озабоченный Ленька Лукин и сел рядом со мной.

— А мне отец с ярмарки пистолет привезет, — сказал я ему.— После уроков пойдешь со мной в лес на охоту, синиц стрелять?

У Леньки заблестели глаза, и мы пустились мечтать о том, как мы будем охотиться. И вдруг вздрогнули. В коридоре загремел звонок. Ленька отодвинулся от меня и забормотал: „Чур, чур меня!“ Он не знал уроков.

В класс быстро вошел учитель Иван Кузьмич. Дежурный прочитал молитву. Иван Кузьмич сел за стол, окинул нас пронзительным взглядом и вдруг вызвал:

— Шатилов! — Я вскочил, словно меня кольнули иголкой. — Читай!

Я взял букварь. Руки дрожали. Буквы прыгали. Я так оробел, что ничего не мог прочитать.

— Ну, что же ты уставился, как баран на новые ворота? Читай! — закричал Иван Кузьмич.

От этого грозного крика я совсем смешался, посмотрел на жирного кота в букваре и пролепетал: „Кошка“. — Иван Кузьмич забарабанил пальцами по столу.

— Почему ты не учишь уроки, а? Останься на час без обеда и перепиши вот этот столбик – „киска, каска“ — двадцать раз.

Кончились уроки. Ребята с веселым криком пошли по домам. Я остался один в пустом и гулком классе. Школьный сторож, шаркая шваброй, подметал коридор, а я сидел за партой и бессмысленно переписывал двадцать раз: „Киска, каска, доска, тоска...“ Тоска... Тоска! От голода урчало в животе и кружилась голова.

Через час с букварем подмышкой я уныло брел по селу домой. Из окна избы вдруг высунулась белокурая девчонка и закричала:

— Э-э, безобедник! Безобедник идет!

— Безобедник! Безобедник! — подхватили ребята, игравшие на пустыре в казанки.

Этот насмешливый крик сопровождал меня до самого дома.

Когда я пришел домой, отец уже вернулся с ярмарки. Он сидел за столом и обедал. На столе перед ним лежал деревянный пистолет с пробкой.

— Опять без обеда сидел, а? — сказал он строго. — Опять драку учинил?

— Нет.

— А за что же?

— Уроков не знал.

— Как не знал? — удивился отец. — Ведь ты же хорошо задолбил свою дурацкую „киску, каску“. Почему же ты не ответил?

Я опустил голову.

— Эх ты, фофан! — сказал отец и запер пистолет в сундук.

Вот как я учился. С тех пор прошло уже много лет. У меня сын уже учится в школе, а мне и теперь все еще снятся страшные сны про Ивана Кузьмича. Да вот сегодня под самое утро приснилось мне, будто я снова сижу в сельской школе за партой и бреюсь. Вдруг входит Иван Кузьмич и кричит во все горло: „Читай!“ В руках у меня не букварь, а зеркало. Я дрожу от страха, как побитый щенок, и лепечу какой-то вздор.

— На час без обеда! — гаркнул Иван Кузьмич и грохнул кулаком по столу. Я вздрогнул и проснулся.

Смотрю — в дверь заглядывает мой сын Сашка. Рот у него белый от „хлородонта“, в руках зубная щетка.

— Я разбудил тебя, — говорит он. — Это я таз уронил.

Я рассказываю Сашке, как этой ночью я опять учился в школе. Сашка хохочет, торопливо пьет чай, собирает тетрадки и книжки и весело уходит в школу. У них сегодня — экскурсия.

КАК УЧИТСЯ САШКА

Я смотрю в окно, как Сашка бежит по улице, и мне хочется написать про новую, только что отстроенную школу с громадными окнами, на которых весело блестит осеннее солнце. Мне хочется написать про учителя Сергея Петровича, которого ребята считают своим старшим другом. Мне хочется написать про ребят ударников учебы.

Но об этом, ребята, вы напишете рассказ лучше меня: я-то в школе редко бываю, а вы — каждый день.

Я знаю, что про это напишут ребята со всех концов Советского союза. Лучший рассказ с картинками будет напечатан в журнале.

Б. Шатилов

БЕРЕЗКИ

(Песенка-бесконечка)

Мы под горку побежим,
на траву приляжем,
мы тихонько полежим,
сказочку расскажем,
как на горке, на юру
две березки на ветру
тянутся друг к дружке,
точно две подружки.
Листья по ветру летят,
две березки в тень хотят—
очень скучно на горе,
очень душно на жаре,
так и бросились бы вниз...
Две березки обнялись,
и одна другой легко
прошептала на ушко:
— Никуда не побегу,
потому что не могу.
Мы на горку побежим,
под березки ляжем,
мы тихонько полежим,
сказочку расскажем,

как на горке, на юру
две березки на ветру
тянутся друг к дружке,
точно две подружки.
Листья по ветру летят,
две березки в тень хотят -
очень скучно на горе,
очень душно на жаре,
так и бросились бы вниз...
Две березки обнялись,
и одна другой легко
прошептала на ушко:
— Никуда не побегу,
потому что не могу.

И опять сначала.

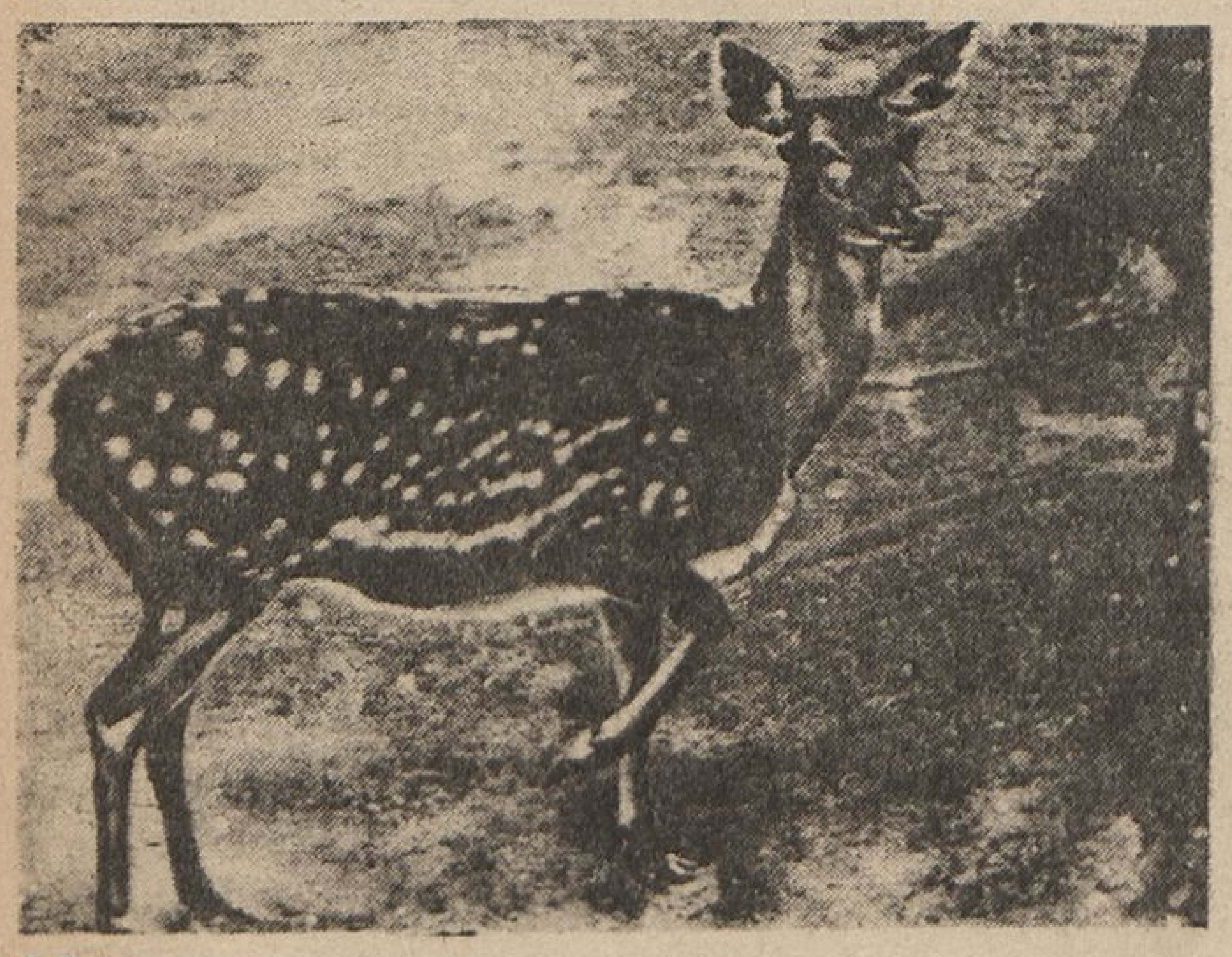
Благинина

Рождение Кастрюльки

Мы были в питомнике пятнистых оленей на Дальнем Востоке. Каждый олень там имеет свою кличку. Пискунья и Манька со своими оленятами совершенно ручные оленухи, но конечно из оленух всех добрее Кастрюлька. С этой Кастрюлькой может такое случиться, что придет под окошко и, если вы не обращаете на нее внимания, положит голову на подоконник и будет дожидаться ласки. Очень любит, если ее почешут между ушами. А между тем она вышла не от домашних, а от диких оленей.

Кастрюлька оттого оказывается особенно ласковой, что взята от своей дикой матери в тайге в первый же день своего рождения. Если бы удалось поймать ее только на второй день, то она далеко не была бы такая добрая, или, как говорят, легкобычная. А взятый на третий день олененок и дальше навсегда остается буковатым.

Олени начинают телиться в мае, а кончают в июне. Было это в первой половине июня. Сергей Федорович взял свою Тайгу, немецкую овчарку, приученную к оленям, и отправился в горы. Разглядывая в бинокль горы, долины, ручьи, он нашел в одной долине желтое пятно и понял в нем оленей. После того, пользуясь ветром в ущельях, долго подкрадывался к ним, и они не чуяли и не слышали его приближения. Подкрался он к ним из-под горы совсем близко и, наблюдая в бинокль одну оленуху, заметил, что она отбилась от стада и скрылась в кустах, где бежит горный ручей. Сергей Федорович сделал предположение, что эта оленуха скоро там, в кустах, должна расстелиться.

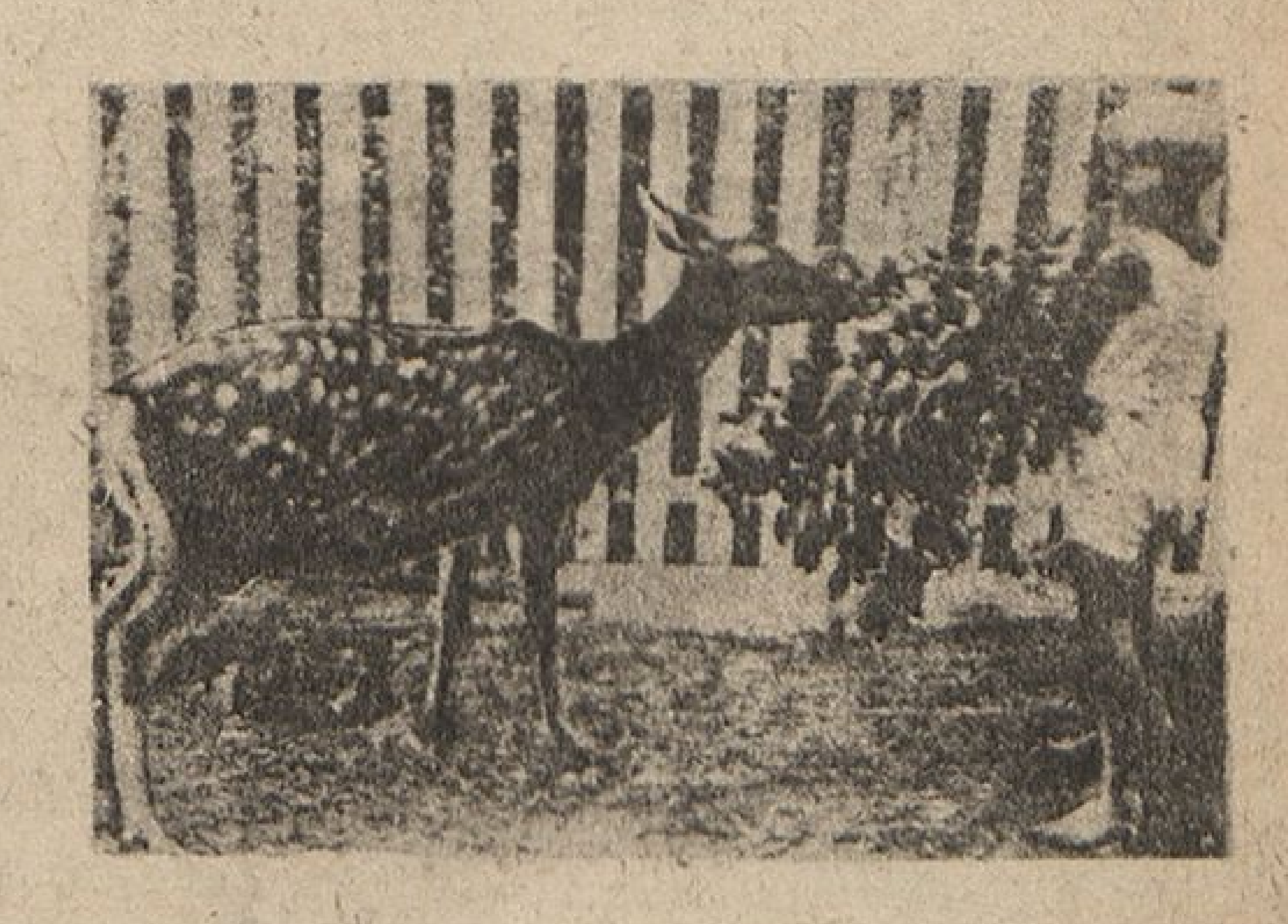

Так оно и было. Оленуха вошла в густые дубовые заросли и родила желтого теленочка с белыми, отчетливыми на рыжем пятнами, совершенно

похожими на пятна солнечных лучей — „зайчики". Теленок сначала не мог подняться, и она сама легла к нему, стараясь подвинуть к его губам вымя. Тронул теленок вымя губами, попробовал сосать. Она встала, и он, стоя, начал сосать, но был еще очень слаб и опять лег. И она опять легла к нему и опять подвинула вымя. Попив молочка, он поднялся, стал твердо, но тут послышался шум в кустах, и ветер донес запах собаки. Тайга приближалась... Мать поняла, что надо бежать, и свистнула. Но он еще не понимал или был слаб. Она попробовала подтолкнуть его в спину губами. Он покачнулся. Она решила обмануть собаку, чтобы она за ней погналась, а теленка уложить и спрятать в траве. Так он и замер в траве, весь осыпанный и солнечными и своими зайчиками. Мать отбежала в сторону, встала на камень, увидала Тайгу. Чтобы обратить на себя внимание, она громко свистнула, топнула ногой и бросилась бежать. Не чувствуя однако за собой погони, она опять остановилась на высоком месте и разглядела, что Тайга и не думает за ней бежать, а все ближе и ближе подбирается к корню дерева, возле которого свернулся ее олененок. Не помогли ни свист, ни топанье. Тайга все ближе и ближе подходила к кусту. Быть может, оленуха-мать пошла бы выручать свое дитя, но тут рядом с Тайгой показался Сергей Федорович, и она опрометью бросилась в далекие горы.

За Тайгой пришел Сергей Федорович. И вот только что черненькие глазки блестят и только что тельце тепленькое, а то бы и на руки взять, и все равно сочтешь за неживое: до того притворяются каменными.

Обыкновенно таких пойманных телят приучают пить молоко коровье из бутылки: сунут в рот горлышко и булькают, а там хочешь — глотай, хочешь — нет, — все равно: есть захочется, рано или поздно глотнешь. Но эта оленушка, к удивлению всех, начала пить прямо из кастрюльки. Вот за это она сама была названа Кастрюлькой.

Ухаживать за этим теленком Сергей Федорович назначил свою дочку Люсю, и она ее все поила, поила из той самой кастрюльки, а потом стала давать веники из прутьев молодого кустарника. И так ее выходила.

М. Пришвин

МОЕ — наше

Получил подарок
Саша —
дрель,
рубанок и
топор —
и от счастья
чуть не пляшет
и сзывает всех
во двор.

Эти вещи
не игрушки —
задымятся кверху
стружки,
как начнем рубить, строгать,
делать крепкие
кадушки
и скамейки
и кровать.

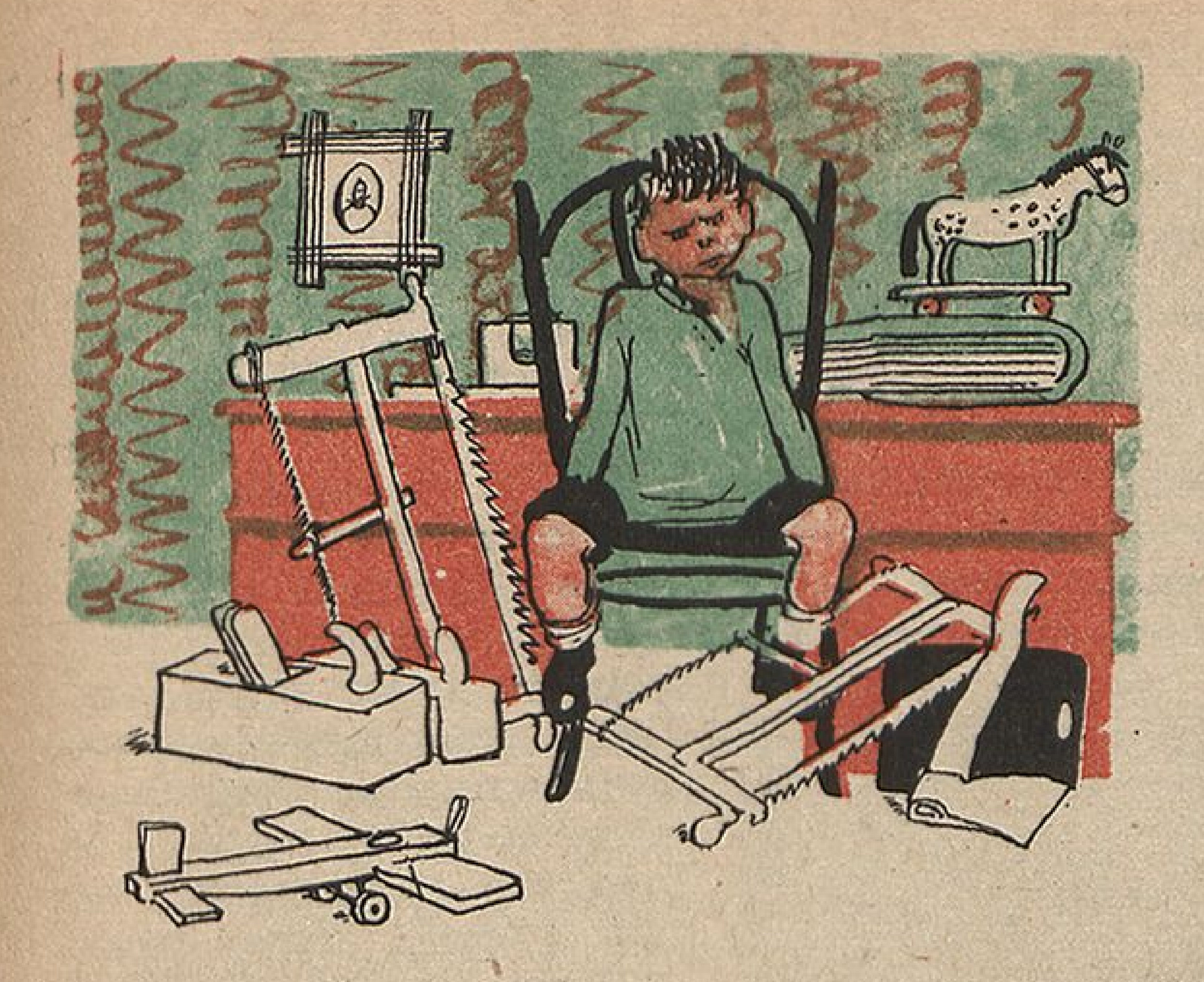

— Осторожно!
Осторожно!
Не порежьтесь!
— Никогда!
— Саша, слышишь,
Саша, можно
построгать немножко?
— Да!

И взлетают
стружки-змейки,
и свистит
веселый дрель.
Будет крепкая
скамейка,
вся работает артель.
Миша делает сиденье,
не сиденье — загляденье.
Федя ножки отточил,
Боря спинку приловчил,

Только Саша
держит планку
и не знает,
что сказать.
— Мой топор,
мои рубанки,
я вам дал их
подержать.

Отдавайте мне
сейчас же! —
Он от злости побелел.
— Это все мое!
Не ваше!
— Что ж, бери рубанки, Саша,
лишь бы ты
не заревел.

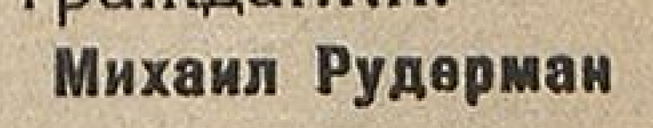

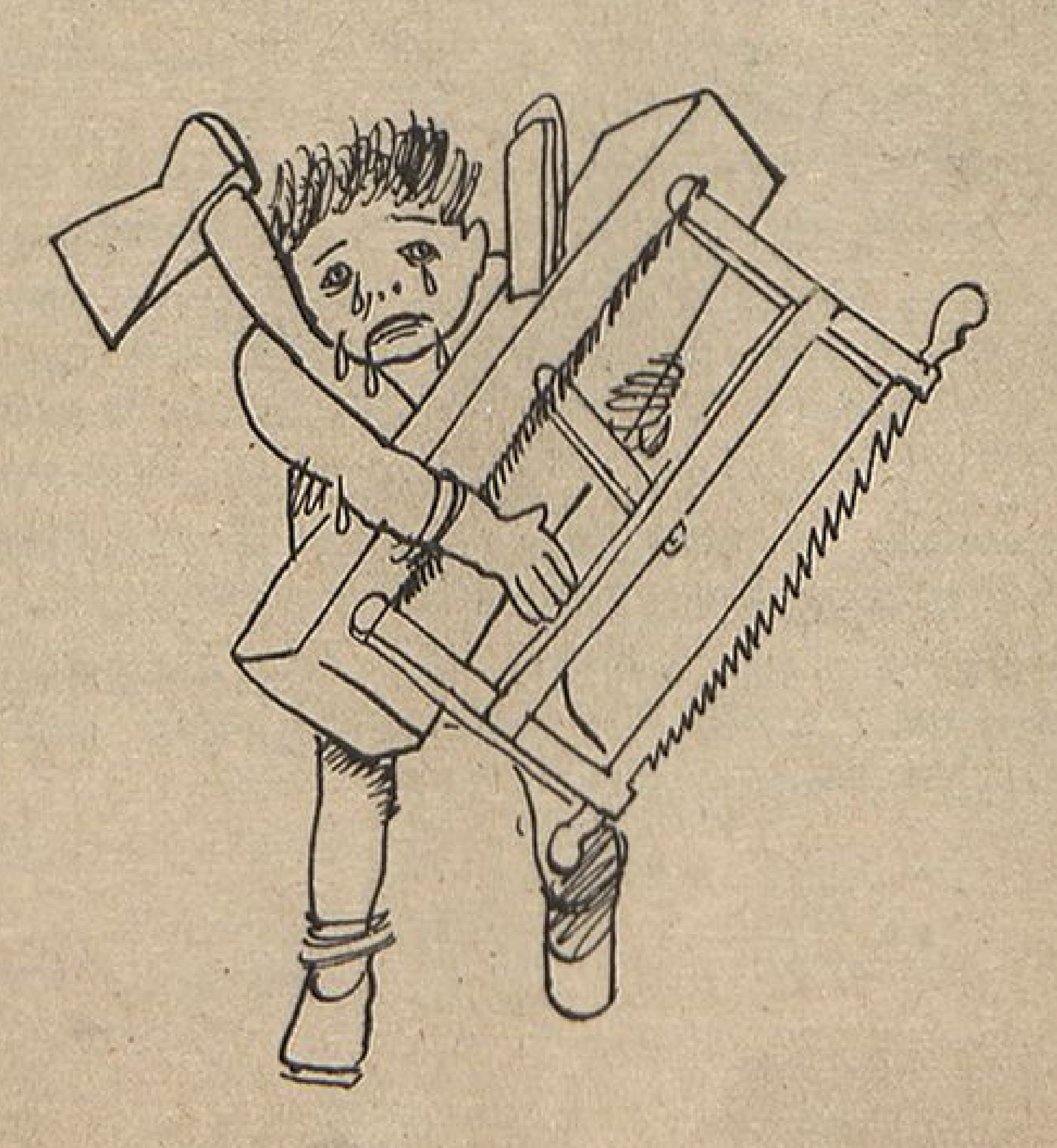
В этой
низенькой квартире —
очень странный гражданин,
он один как будто
в мире,
в целом
городе
один!
А в углу —
лежит набор,
и рубанок
и топор.

Что же Саше
делать с ними,
острозубыми, стальными?
Без товарищей,
один
этот странный
гражданин.
Вот бы взять велосипед.
Даст ли Федя? Или нет?
А на том велосипеде
все катаются соседи.
Он большой
и настоящий,
ни одной поломки нет,
громыхающий,
звенящий
голубой
велосипед.

И на нем тугие шины.
Но сосед
не даст
машины.
Федя помнит
до сих пор
и рубанок.
и топор.

Саша ходит,
Саша злится.
Скоро вечер,
скоро сон.
Он садится —
не сидится,
скучным спать
ложится он.
Он один!
Один!
Один,
этот странный гражданин!

Михаил Рудерман

КУЧУКИ

РАССКАЗ

Недалеко от юрт совхозных пастухов, в неглубокой песчаной ямке, живут семь веселых толстых щенят. Щенок — по-казахски кучук. Мы так их и прозвали — кучуки. Щенята коричневые, у всех белые животы и лапки, а на концах хвостиков белые свечки. Кучуки живут самостоятельной коммуной, играют возле ямки, рычат и лают друг на друга по-детски, не страшно. Спят тесной кучкой, так что не разберешь, где чья голова, лапа, хвост. В юрты их не пускают: если щенят приучить к теплу и ласке, они избалуются и изнежатся. Пастуху же нужен сильный, выносливый помощник.

Раза три в день их навещает мать. Громадная, с телка ростом, желтая Коктай придет, осмотрит, оближет каждого, покормит. Щенята сосут ее с остервенением, быстро-быстро вертя хвостиками. Когда кучуки наедятся, мать бесцеремонно стряхивает их и уходит. Щенята бегут за ней, потом отстают и возвращаются отдыхать.

Раз я видела, как к щенятам пришел их отец — мрачный, изодранный в драках Кутаек. Он разглядывал их с сумрачным любопытством. Кучуки восторженно прыгали вокруг его страшной пасти, лизали его нежными язычками и лезли к нему под живот, пытаясь сосать. Кутаек недоуменно заворчал и тихо пошел к дому.

У всех пастушеских собак обрублены хвосты и уши.

— Зачем это? — спросила я Ашир-бека.

— Если уши не обрезать, они будут мешать собаке слышать. А если хвост не обрезать, то ночью собаку можно спутать с волком.

— Им тоже обрежете? — спросила я про маленьких.

— А то как же? Скоро будем резать, им уже исполнился месяц.

Однажды, проснувшись утром, я услышала семь отрывистых щенячьих визгов: ясно, что всем собачкам по очереди сделали больно.

„Наверное им режут хвосты“, подумала я и пожалела щенят. Вышла из юрты. Так и есть. Кучуки испуганно забились в ямку. Из подрезанных ушей их сочилась кровь.

— Ах, бедные! — сказала я, наклонившись к ним.

— Ничего, — утешил меня Ашир-бек, — они скоро поправятся. Тогда каждому дадим кличку и начнем кормить мясом. С этих пор кучук будет расти и приучаться к работе в стаде под своим именем.

Когда лучи степного солнца прилипают к плечам густой смолой, а серые ящерицы замирают на камнях в полудневном сне, над юртами появляются хищники — ястреба и громадные, сажень в размахе, беркуты. Их привлекает запах крови от свежеободранных тушек. Если пастухи с собаками не доглядят, хищники могут унести ягненка, а то и взрослую овцу растерзают...

В этот день свежих тушек не было, а ястреб все-таки прилетел. Он вынырнул из-за ближней горы и кругами стал приближаться к юртам. Потом застыл в воздухе над жилищем кучуков. Вот он камнем упал вниз и, едва коснувшись земли, взмыл вверх и полетел в горы. В когтях он что-то нес.

Я подошла к норке кучуков. Там на горячем песке лежали хвостики с белыми свечками и коричневые ушки... Странно было видеть эти веселые хвостики такими беспомощными и неподвижными. Я пересчитала их и невольно рассмеялась: хвостиков было только шесть, а седьмой унес ястреб.

Вскоре хищник опять появился, нырнул вниз и полетел с добычей за тот же холм. Он прилетал еще много раз, пока не перетаскал все хвостики и ушки.

Я указала на него жене Ашир-бека.

— Свой баранчук кушать носит, — засмеялась она.

Баранчук — по-казакски ребенок. Ястреб ушками и хвостиками кормил своих птенцов.

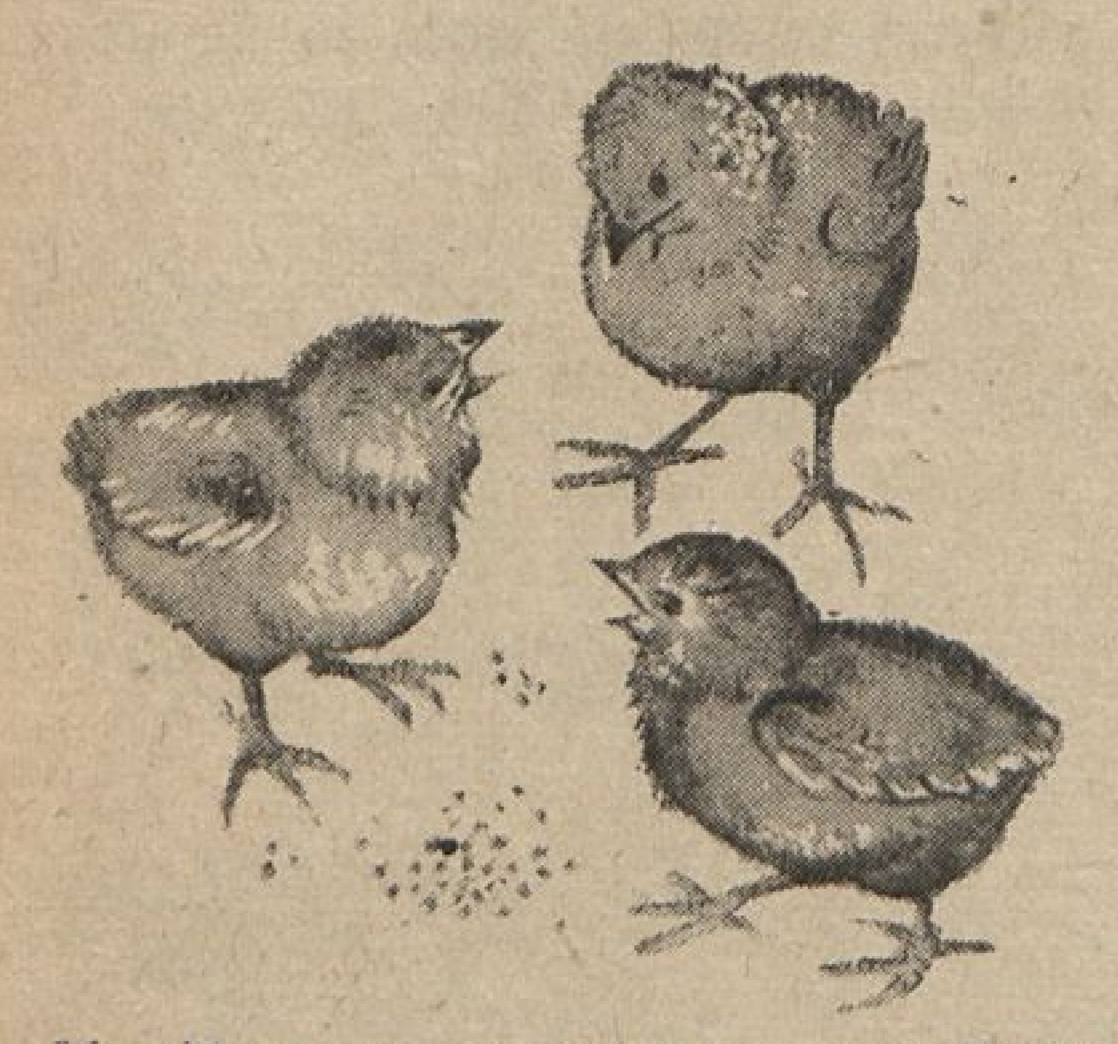
Вскоре я уехала в степь и вернулась только через неделю. Пошла проведать кучуков. Они очень изменились: их головки с короткими ушами стали в точности похожи на голову Кутаека. И характер стал не тот: они теперь недоверчиво косились на нас, не давались в руки и рычали... Лапы у них стали преогромные, шерсть огрубела. Вечером Ашир-бек принес им мяса. Ворча и жадно вырывая друг у друга куски, накинулись они на пищу.

Галина Гулина

Знаешь ли ты, как учатся зверята?

1. Наседка тычет клювом в землю, как будто клюет. Цыплята, глядя на нее, начинают тоже клевать. Так они выучиваются клевать мелко накрошенное крутое яйцо, крупу. Постучи пальцем, словно клювом, по земле — цыплята начнут клевать. Все равно что стучит: клюв, палец, палочка. Важно, чтобы стучало. Нужно это уменье «разбудить». Стук будит.

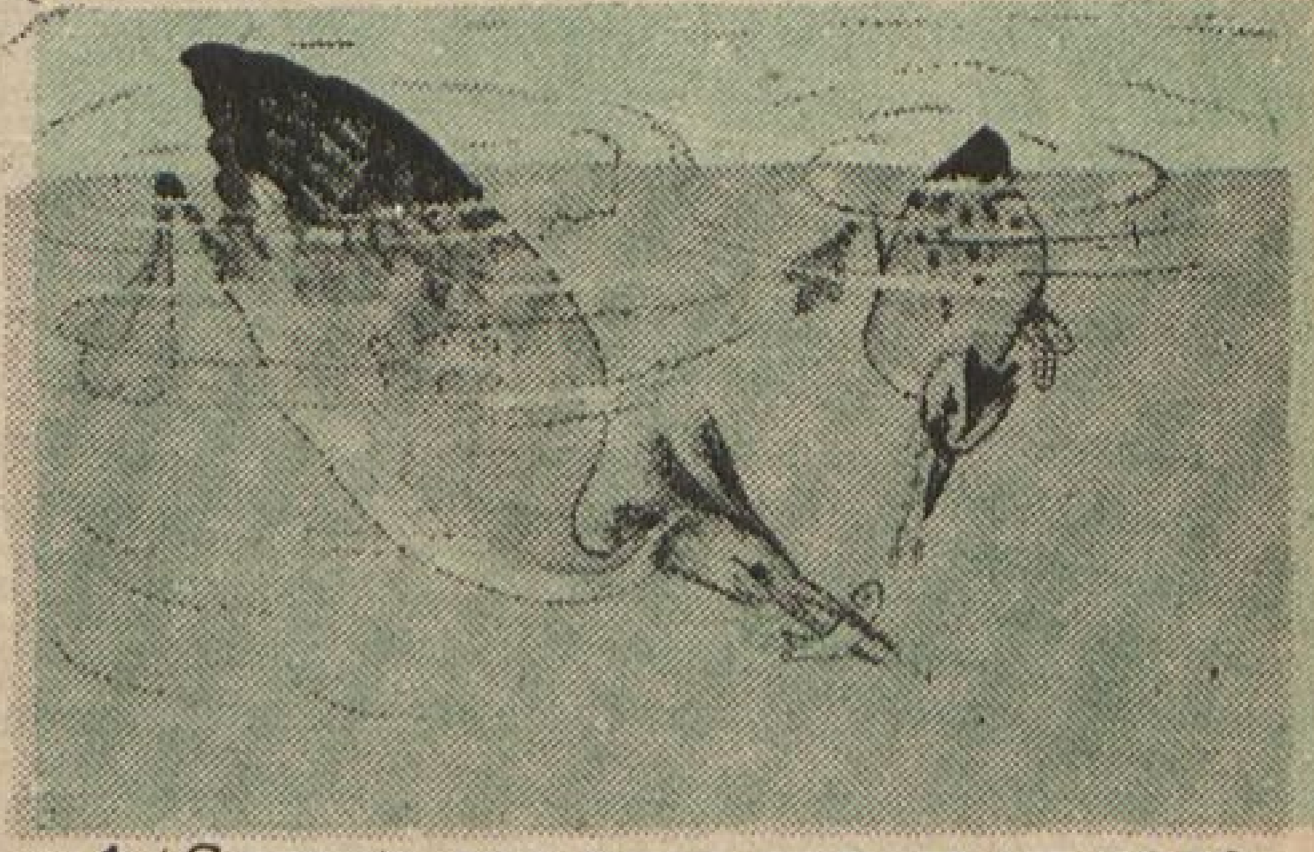
2. На Украине я видел, как учили есть своих птенцов аисты. На крыше было гнездо с тремя птенцами. Родители приносили птенцам лягушек. Но они не совали их птенцам в клюв. Аист бросал лягушку на дно гнезда. А потом он хватал своим длинным клювом птенца за его нежный клювик, пригибал этот клювик к лягушке и тыкал клювом птенца в лягушку. И так до тех пор, пока птенец не разевал клюв и не хватал лягушку. Через несколько дней птенцы хватали брошенных им лягушек сами.

3. Птенцы ласточки выросли. Они то и дело высовывались из гнезда. Но они не вылезали из гнезда совсем: отверстие, которое вело в гнездо ласточки, было высоко — птенцы боялись.

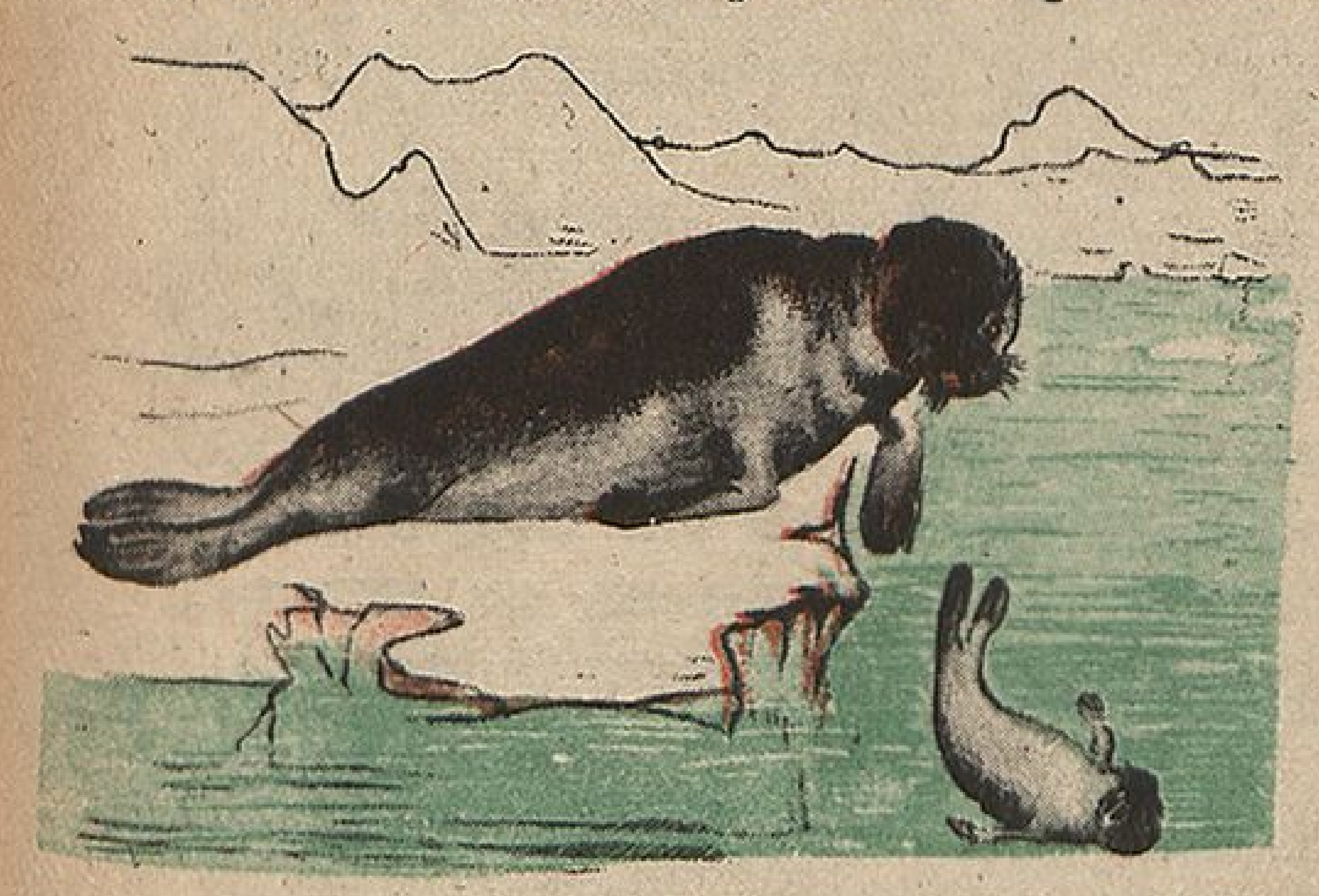

Мать-ласточка поступила очень просто: она вытолкнула птенца из гнезда. Раз — птенец вывалился из гнезда и стал падать. Он растопырил крылья, взмахнул ими и... полетел. Вот и вся «наука» — птенца нужно было только подтолкнуть.

4. Словно два рога торчат на голове чомги — большой красивой водяной птицы, утиной родни. Утята чомги с первого же дня своей жизни плавают. Учить их этому не нужно. Но мать учит их нырять. Она показывает им рыбку, зажатую в клюве. Птенцы бросаются к матери, но... голова матери (а с ней и рыбка) скрывается под водой. Ныряй! Птенец пищит, боится. Но ему хочется есть, и в конце концов он ныряет. А бывает и так: чомга-мать зажимает птенца крылом и ныряет вместе с ним. После нескольких таких «уроков» птенцы начинают нырять сами.

5. Тюленья мамаша учит своих детенышей плавать таким же простым способом, как ласточка своих птенцов летать. Чуть детеныши окрепнут, она сталкивает их с берега в воду. Попав

в воду, детеныш начинает шевелить своими лапками. Так он выучивается плавать. И скоро наступает день, когда молодые тюлени проводят по многу часов в воде.

6. Когда я дал котятам мышь, то они не съели ее. Они просто начали играть с ней. Мышь немного помяли, но и только. Я принес кошку. Она схватила мышь и задушила ее. Но и тогда котята не тронули мышь. Но вот кошка разорвала мышь. Котята попробовали мышиной крови. Теперь они поняли, что это за штука — мышь. И новую мышь они сейчас же съели.

Научила их кошка ловить мышей? Нет. Они узнали от нее только одно: мышь — это мясо, вкусно.

7. Звери и птицы не бьют во время ученья своих детей. Но бывают и исключения: медведица дерется. Но бьет она не малых медвежат—бьет «няньку». Прошлогодний, годовалый медвежонок часто ходит вместе с медведицей и ее маленькими медвежатами. Такого медвежонка и называют пестуном, нянькой. Этой-то няньке и попадает. Встретится на пути речка или просто большая лужа. Переберется через нее медведица, перейдет и пестун. А медвежатам не перейти. Останутся медвежата на другом берегу. Вот тут-то и получит пестун две-три оплеухи. Больно дерется медведица и очень уж громко. Далеко разнесется по лесу треск медвежьей оплеухи. Заскулит пестун, вернется обратно. Подхватит медвежонка и потащит его на себе через речку.

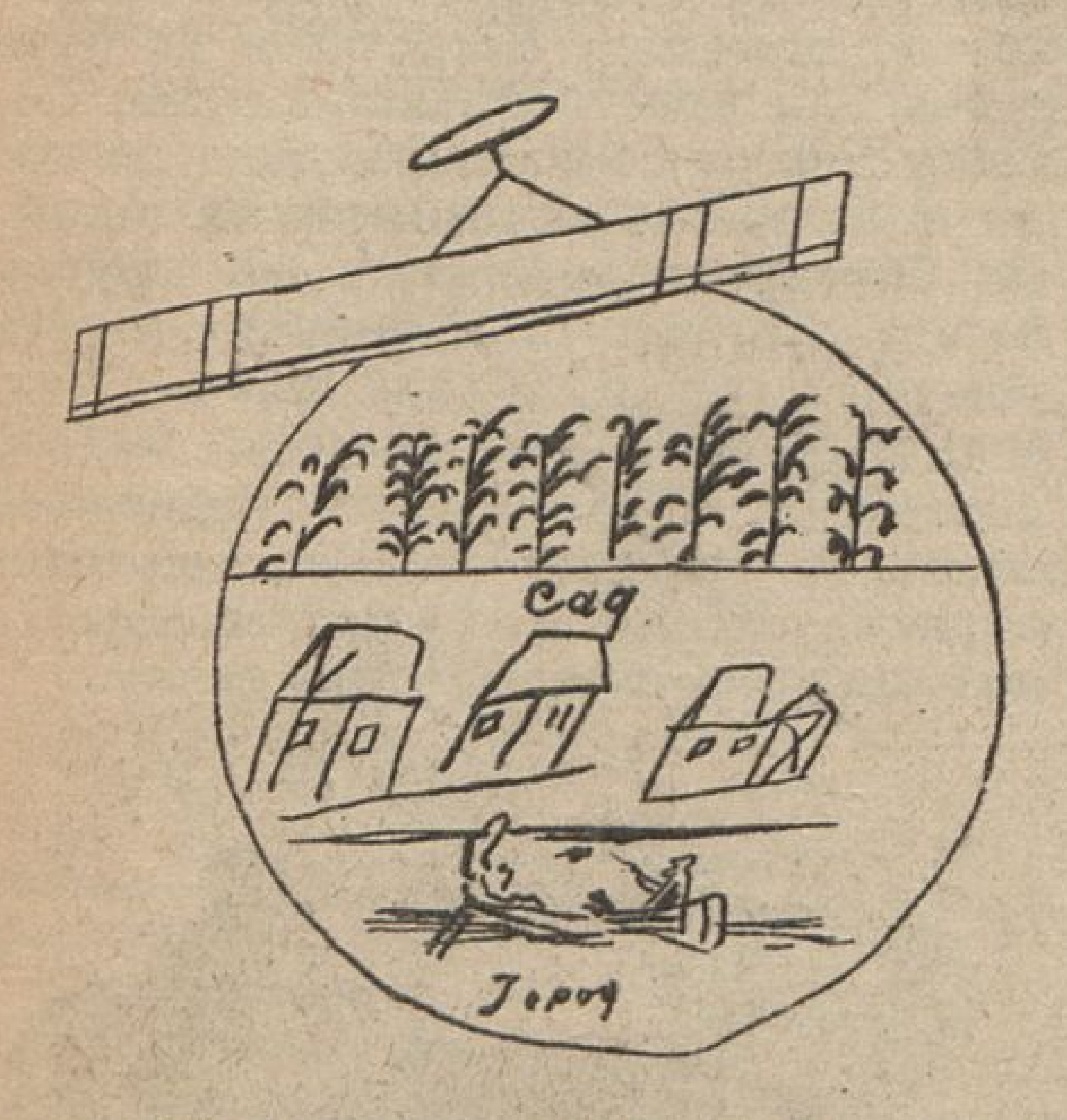
А на следующей речке пестун опять забудет про медвежат. И опять ему попадет.

Н. Плавильщиков

Какие будут самолеты, когда тебе будет столько лет, сколько твоему отцу сейчас

„Это будут такие аэропланы, которые будут носить в воздухе город с садами“, решил Миша Иванов с разъезда Хайрабад.

Он даже рисунок такой прислал.

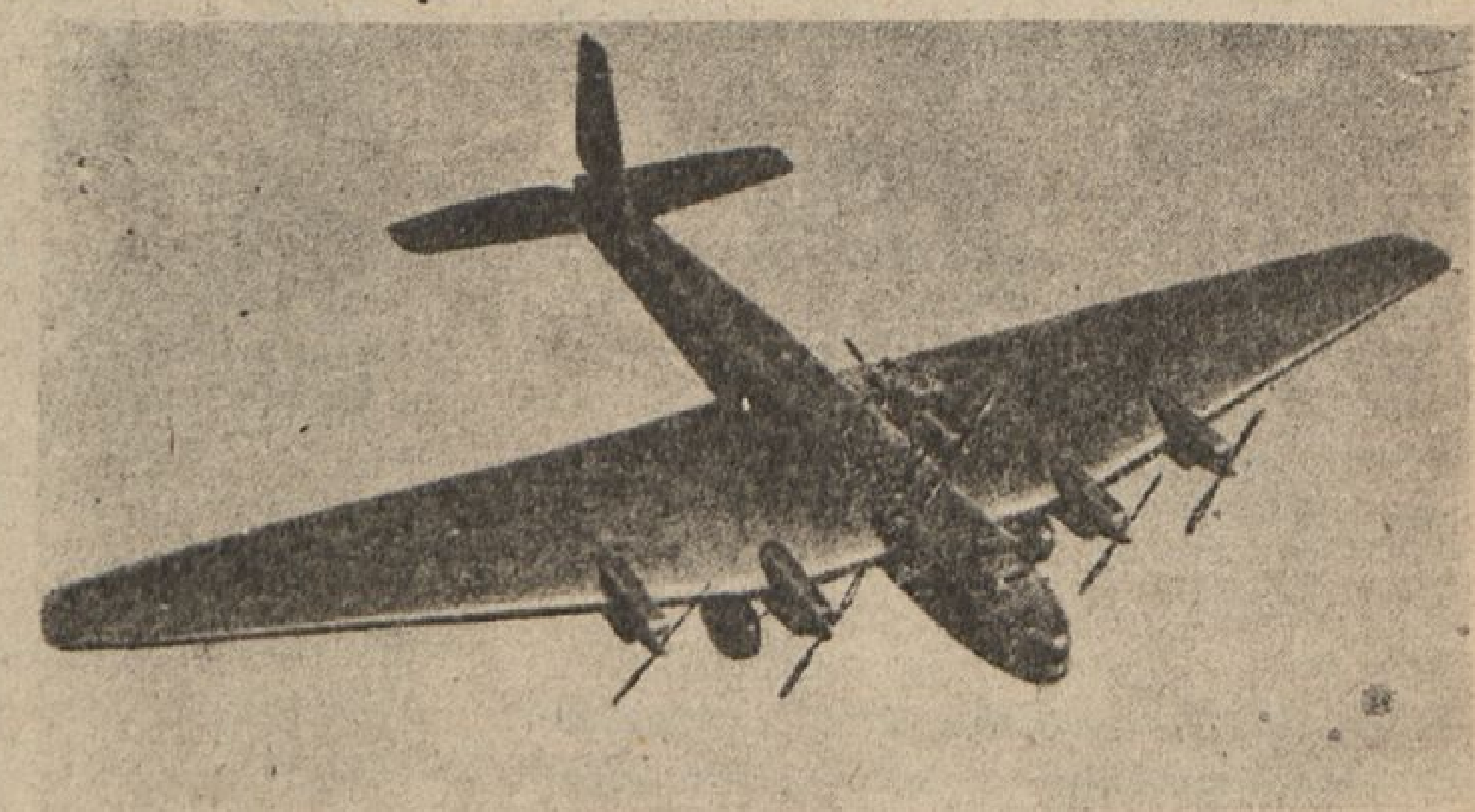
„Это будут такие аэропланы, на которых можно будет летать целому колхозу. И на аэроплане будет все устроено для жителей и для их скота“, написал Саня Иванчев из колхоза „Авангард“ Северного края.

И еще много ребят написали нам о том, какие будут аэропланы, когда им будет столько лет, сколько их отцам сейчас.

Я думаю, что таких огромных самолетов мы еще все-таки не научимся строить к этому времени.

Но самолеты тогда наверняка будут большие.

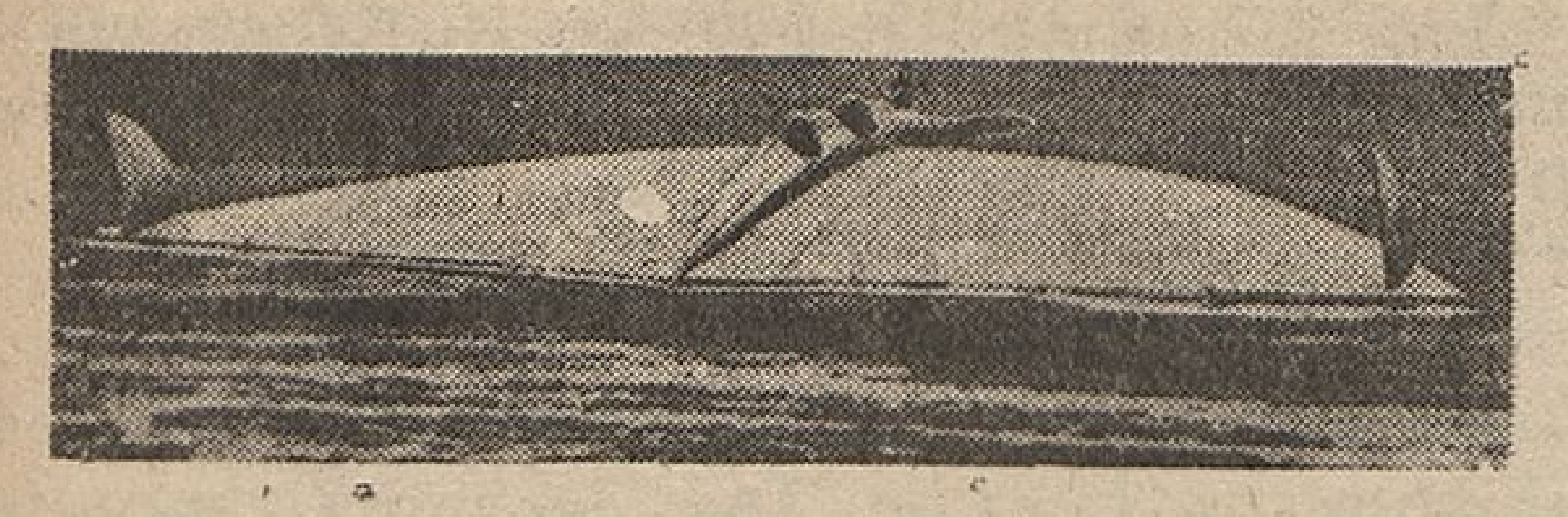
У такого самолета будет много моторов. Так будет безопасней для пассажиров. Остановится один — самолет может полететь на других. Такие самолеты есть и сейчас в СССР. Например, самолет „АНТ-14“. Он имеет 5 моторов и поднимает 40 человек. Уже строится 6-моторный самолет „Максим Горький“. В этом самолете будут помещаться типография, кино, большой буфет-столовка. Он будет готов к 1 мая 1934 года.

Самолет „АНТ-14“.

Самолеты будущего ско-

рее всего не будут иметь хвоста, а только одно сплошное крыло. В этом крыле будут помещаться комнаты для пассажиров, летчики, моторы. Такой самолет, правда, еще маленький, но уже построен и летает над Москвой.

Парабола инж. Черановского.

Из чего будут делаться самолеты будущего?

Вот Миша Гермаш из Александровки думает, что они будут сделаны из железных прутьев.

Саша Сидоров из Макеевки думает, что эти аэропланы будут сделаны из самого легкого металла, которого еще нет, но который будет наверно изобретен к тому времени.

И я думаю, что самолет будет главным образом из металла, и очень интересного металла — нержавеющей стали. Уже сейчас построен такой самолет. Называется он „Сталь-3“.

Теперь куда мы с вами полетим?

Миша Орехов из Ташкента решил, что он полетит на Марс.

И еще ряд ребят хотят лететь на Марс.

Наш самолет не сможет еще туда полететь.

Но я думаю, что у нас еще останется, кроме Марса и других планет, много места, куда было бы интересно полететь.

Почему самолет не сумеет полететь на Марс?

Мотор самолета, так же как и человек, не может работать без кислорода, который находится в воздухе.

Без кислорода не может загораться бензин в моторе.

А на других планетах воздуха нет.

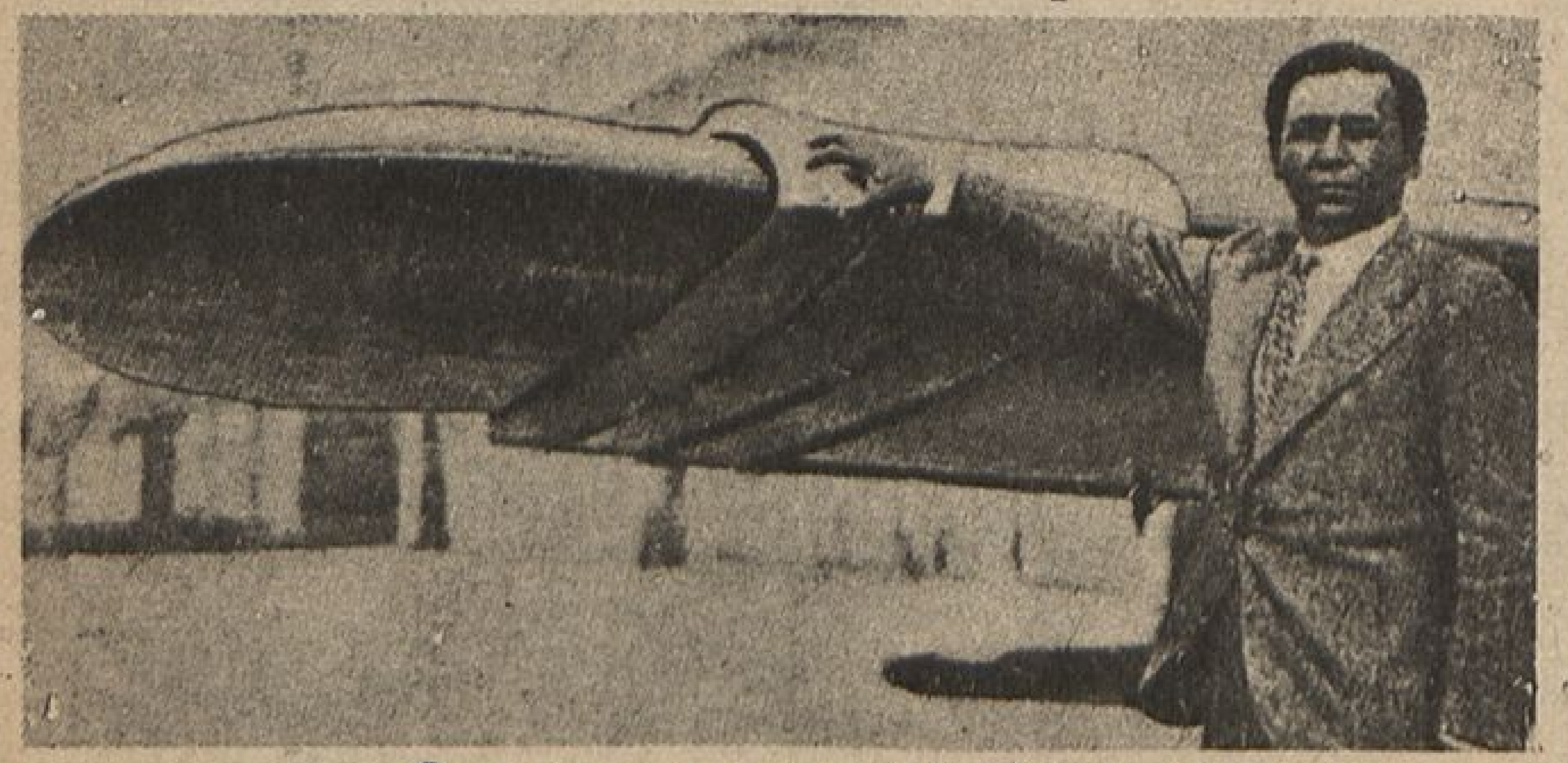
Правда, люди уже научились строить ракеты, которые могут летать и там, где нет воздуха и кислорода. Но это пока еще опыты, и трудно сказать, когда мы научимся строить такие ракеты, на которых человек смог бы долететь хотя бы до луны.

Но подыматься над землей километров на 10—15 мы уже можем. В сентябре этого года на особом воздушном шаре — стратостате — готовится такой полет в Москве. Там, на этой высоте, в СТРАТОСФЕРЕ, воздух не такой, как над землей. Над землей он плотный. Когда бывает ветер, ты это сам хорошо чувствуешь. А чем выше над землей, тем воздух менее плотный; он, как говорят, РАЗРЕЖЕН. Самолет в таком редком воздухе будет задерживаться меньше и лететь будет с огромной скоростью — тысячу и больше километров в час.

На таком аэроплане — стратоплане — можно будет летать из Москвы до Владивостока в 8—10 часов.

Вот каким будет стратоплан. Он будет иметь длинные, узкие крылья без всяких подпорок и проволок. Так его будет меньше задерживать воздух. Его тележка с колесами внизу (шасси) будет во время полета вбираться внутрь машины. Он будет бесхвостым со многими моторами и, наверное, весь будет из нержавеющей стали. Моторы стратоплана будут работать на нефти. Это будет дешевле, выгоднее и безопаснее, чем на бензине.

Даже крыло такого будущего самолета будет другим, чем теперешнее. Его можно будет сдвигать и раздвигать, уменьшать и увеличивать, когда это будет нужно. В стратоплане будут прекрасные комнаты для пассажиров, кино, столовая, типография — все, чтоб лететь было удобно и легко.

Раздвижное крыло аэроплана.

Вот на таких самолетах-стратопланах мы наверное пролетим с вами в 24 часа вокруг света.

Н. Бобров.

ПЕРЕПИСКА

КОЛХОЗ СТРОИТ ШКОЛУ

Наша школа находится на севере. Она маленькая, в ней училось 30 человек. Было три группы и одна учительница. Парт нехватало. Бумаги было мало. Класс тесный.

Тут же была колхозная контора. Мы все были ударниками, помогали друг другу. Мы все перешли в старшие группы. Наши работы послали в город на выставку.

Колхоз видел, как нам было трудно учиться, а мы хорошо работали. Он нынче строит нам новую школу.

Колхоз полюбил нашу школу и хорошо помогал нам.

Я перешел во 2-ю группу и читаю 51 слово в минуту. Нас колхоз премировал. *Вова Педич*

Северобайкальский
Туземный район

ОТКРОЙТЕ ДЕТСКИЙ САД

У нас недавно закрыли детский сад. Сказали — нет денег. «Мурзилка», помоги моей беде: скажи им, чтобы они детский сад открыли. Я не хочу быть беспризорной, я хочу ходить в детский сад. *Карелия Смирнова*

Село Кильмез, Горьковский край

Письмо твое послано в Горьковский краевой отдел народного образования с просьбой выяснить, почему закрыли детский сад, и помочь вновь его открыть.

Редакция

ПЕРЕМЕНИТЕ НАЗВАНИЕ

Журнал «Мурзилка» называется как-то непонятно. Этот журнал очень интересный, в этом журнале описываются наши и заграничные ребята. Я предлагаю переменить название и назвать журнал «Пионер».

Королев Петя

МЫ НЕ МУРЗИЛКИ

Мне не нравится название журнала «Мурзилка», потому что мы не мурзилки, а буденновцы, и я хочу, чтоб журнал «Мурзилка» назвали «Октябренок».

Шиберева Оля

РЕБЯТА!

Мы получили много писем с предложениями изменить название нашего журнала.

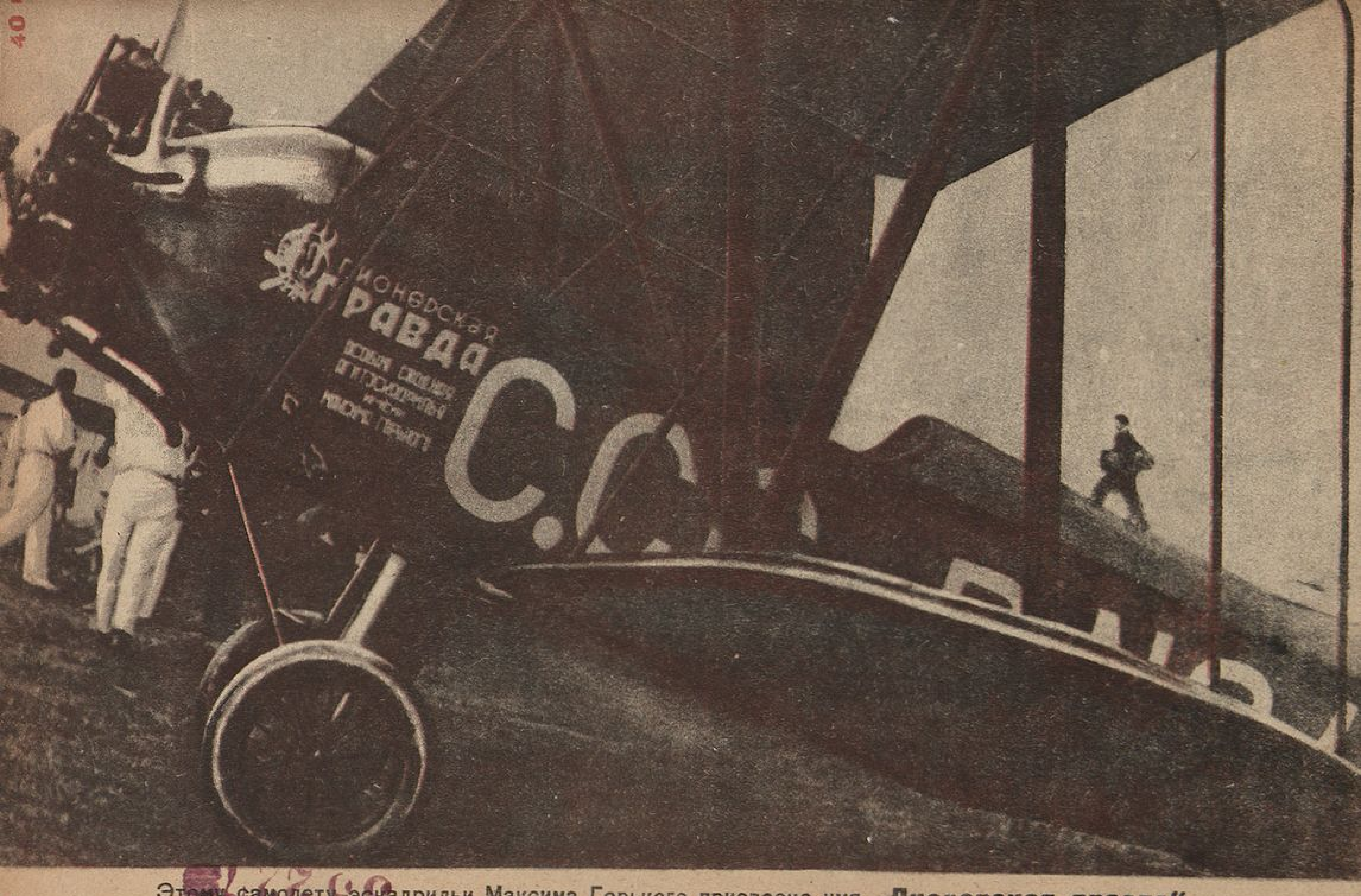
Кому из вас название „Мурзилка“ не нравится и как бы вы хотели назвать журнал, напишите нам. Обсудим вместе и, может быть, назовем его по-новому.

Редакция

Редколлегия: **Асеев Н., Барто А., Маршак С., Смирнова В., Степанова А., Шифрин Н.**
Ответств. редактор **Н. Венгров.** Оформление **Веретенников В.**

Москва. МГ № 4116. Сдача оригиналов 19/VIII. Подп. к печ. 13/IX. 2 печ. листа. Колич. зн. 68.640. Статформат Б—7×190

Уполном. Главлита № Б—32801. 2-я тип. изд-ва ЦК ВКП б) „Правда“. Москва, Сущев. вал, 49. Зак. 1331. Тир. 150.000.

Этому самолету эскадрильи Максима Горького присвоено имя **„Пионерская правда“**